

БИБЛИОТЕКА ГУМАНИТАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА СИБГТУ

*Выпуск 2*

Е.Н. Викторук, А.А. Мёдова, П.А. Мишагин,  
И.В. Рыбкина, С.А. Яровенко

# ГОРИЗОНТЫ СВОБОДЫ И ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО СМЫСЛОПОЛАГАНИЯ

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом  
СибГТУ в качестве монографии

Красноярск 2012

УДК 17+130.2+165.12

**Горизонты свободы и идентичности: опыт философского смыслополагания:** коллективная монография. Вып. 2 / Е.Н. Викторук, А.А. Мёдова, П.А. Мишагин, И.В. Рыбкина, С.А. Яровенко; отв. ред. Е.Н. Викторук. – Красноярск: СибГТУ, 2012. – 214 с.

ISBN 978-5-8173-0550-0

**Рецензенты:** **Копцева Наталья Петровна**, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета

**Круглов Виктор Леонидович**, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и общих дисциплин, проректор по учебной работе Красноярской государственной академии музыки и театра

**Ответственный редактор:** доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии СибГТУ Е.Н. Викторук

**Редакционный совет:**

**Е.А. Викторук** кандидат философских наук, доцент, декан гуманитарного факультета Сибирского государственного технологического университета;

**Е.Н. Викторук** доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Сибирского государственного технологического университета;

**В.П. Махонина** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского государственного технологического университета;

**А.С. Черняева** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского государственного технологического университета;

**С.А. Яровенко** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского государственного технологического университета.

В монографии представлены научные работы преподавательского коллектива кафедры философии Сибирского государственного технологического университета (г. Красноярск), отражающие как направление личного научного поиска авторов, так и общее исследовательское пространство теоретических разработок кафедры как субъекта научного творчества.

© ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный  
технологический университет», 2012  
© Викторук Е.Н. и др., 2012

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Во время подготовки к печати второго выпуска коллективной монографии **«Горизонты свободы и идентичности: опыт философского смыслополагания»**, обобщающей результаты научного поиска преподавательского коллектива кафедры философии Сибирского государственного технологического университета (г.Красноярск), мы получили известие, что первый выпуск коллективной монографии **«Этика, поэтика, метафизика сознания: опыт философского смыслополагания»** стал лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2011 года в номинации «Гуманитарные и общественные науки» (г. Сочи).

Научные публикации кафедры неоднократно становились как лауреатами, так и призером сочинского конкурса на лучшую научную книгу, однако очередной заслуженный успех – вдохновляющее, знаковое событие, высочайшая оценка самого проекта серии выпусков коллективной монографии, подтверждение как, с одной стороны, высокого теоретического уровня исследовательской работы нашей кафедры, так и, с другой стороны, – актуальности и значимости самого философского поиска, углубленной рефлексии над реалиями и проблемами современной действительности.

Во втором выпуске монографии читателям представлены философские труды, отражающие исследовательское пространство теоретических разработок кафедры как субъекта научного творчества, объединенное общей темой **«Горизонты свободы и идентичности»**. **«Что я могу знать?»**, **«Что я должен делать?»**, **«На что я могу надеяться?»** – эти знаменитые кантовские вопросы, фундаментальные для философии человека, пытаются осмыслить авторы монографии в терминах свободы и идентичности.

Горизонты (теория и практика) осмысления свободы и идентичности в этическом аспекте рассматриваются в первом разделе монографии **«Категория и экзистенциал «свобода» в традиции моральной философии»**. В главе 1.1. «Идеал моральной свободы в экзистенциалах трансактного анализа» автор Е.Н.Викторук акцентирует тему морального языка в его основных единицах – категориях и экзистенциалах, – дающих ответы на самые насущные вопросы в терминах трансактного анализа: «родитель», «взрослый», «дитя», «игра» и др. Язык моральной философии изменяется медленно, новые понятия входят в него редко и непросто. Но при всем постоянстве предмет этики подвержен трансформациям, открывающим новые горизонты для человека XXI столетия. Идеи классической этической традиции (Аристотель, Платон, Декарт, Кант, Маркс, Ницше и др.) как в преподавании, так и в научной рефлекс-

сии «переоткрываются» «неклассическими» этиками, которые спонтанно складываются в психологии, математике, этнологии, социологии, экономике. Подчеркивая свой вне-этический характер, транзактный анализ, подобно другим неклассическим этикам, раскрывает новые «горизонты» представлений о Добре и Зле, предлагает адекватные современным условиям смысложизненные ориентиры, «правильные» социально-нравственные императивы, морально оправданные стереотипы поведения, формирует образ «достойного человека», «достойной жизни». Экзистенциалы транзактного анализа позволяют получить ответы на вопросы об идентичности («Кто я?») и путях достижения свободы («Что я должен делать?»).

В главе 1.2. «Логика развития идеи свободы в истории европейской моральной философии: от эпохи Античности до Нового времени» первого раздела монографии **«Категория и экзистенциал «свобода» в традиции моральной философии»** автором П.А.Мишагиным рассматривается общая логика развития идеи свободы в истории европейской моральной философии, охватывающей период от античности до Нового времени. В историко-философском экскурсе автор показывает, что феномен свободы в моральной философии имеет общую логику своего развития, в соответствии с гегелевской триадой «тезис-антитезис-синтез». Демонстрируя процесс расширения горизонтов свободы и фиксацию этого расширения в философской рефлексии, автор убежден, что эта модель (Т-А-С) начинает проявляться только в эпоху Нового времени, когда феномен свободы становится специальным объектом философских исследований, из простой любопытной идеи превращается в требующую своего разрешения проблему. Проблематизация свободы как феномена европейской моральной философии и его специализированное рассмотрение в эпоху Нового времени раскрывает первую в истории европейской философской мысли попытку синтетического примирения противоположных антагонистических позиций индетерминизм – «жесткий» механистический детерминизм (представленных в общей логике развития как Т-А), которую предпринимает Г.-В.Лейбниц, посредством чего кардинально изменилась сама общая логика развития свободы как феномена моральной философии, от диадической (или аналитической) Т-А до триадической (или синтетической) Т-А-С, от которой впоследствии будут отталкиваться все передовые мыслители-европейцы в своих морально-философских исследованиях свободы, задавая новые горизонты моральной свободы и культурной идентичности.

Гносеологический ракурс осмысления вопросов свободы и идентичности, соответствующий кантовскому **«Что я могу знать?»** раскрывается во втором разделе монографии **«Модальный дискурс сознания»**, где автор А.А.Медова рассуждает о модальной природе сознания,

о герменевтико-феноменологической «идентичности» процессов означивания и о-смысления, о горизонтах феноменологической явленности сознания в языке.

Все три главы второго раздела монографии: 2.1. «Язык, смысл, тематизация»; 2.2. «Символическая модель сознания: анализ концепций Э.Кассирера и С.Лангер»; 2.3 «Модальность текста в контексте философской теории модальности» посвящены проблеме соотношения мышления и языка, где язык рассматривается как наиболее чистая и непосредственная проекция сознания вовне.

Язык, художественный текст и мышление анализируются как модусы оплотнения сознания, несущие в себе информацию о структуре последнего. В качестве важнейшего модуса сознания, предстающего как точка совпадения мышления и языка, А.А.Мёдова рассматривает символ.

Возможность понимания устройства сознания открывает исследование таких аспектов языка как тематизация, означивание, смыслопорождение.

Различение и обособление неких объектов с помощью речи, есть, согласно Кассиреру, не только их обозначение, но и придание им нового качества, качества мыслимости, в силу которого они возвышаются над непосредственной чувственной данностью. Язык – это своего рода заклинание: именованные, схваченные языком предметы как бы похищаются из непроницаемости сплошного вещного объективного бытия, попадают в другое измерение, в пространство смысла. Точно так же наше сознание является измерением реальности, несущим в себе новую предметность.

Социально-философский ракурс осмысления горизонтов свободы и идентичности затрагивается в третьем разделе монографии **«Миф, религия, история: проблема поиска идентичности»** через призму кантовских вопросов **«Что я должен делать?»**, **«На что я могу надеяться?»**.

В главе 3.1 «Мифологическое сознание как контекст становления религиозных представлений» автором С.А.Яровенко рассматривается природа мифосознания и религиозных представлений в контексте осмысления исследовательских моделей идентичности и различия феноменов мифа и религии. Содержание главы 3.2. «Мифологизация истории: к проблеме поиска исторической идентичности» актуализирует проблему аутентичности исторического знания в современной культуре. В условиях культурной ремифологизации проблематизирована сама возможность существования любого знания принципиально вне и независимо от мифологической его модальности. Проблема идентичности истории как реального процесса и как системы знаний, реконструирующей

## Предисловие

в теоретических моделях этот объективный процесс, предельно актуализируется не только в силу неизбежной субъективности и интерпретативности любого знания, но и в силу глобального масштаба социокультурного мифоконструирования.

Поскольку утрата надежных оснований исторической идентичности углубляет переживание мировоззренческого кризиса, потеря уверенности в истинности привычной картины исторического прошлого делает нестабильным восприятие настоящего и будущего, столь значимыми становятся экспликация различных модусов мифологизации истории и прояснение возможности демифологизации исторического знания, идентичность и аутентичность которого в ситуации глобального мифо(пере)конструирования истории предстают, по мнению С.А.Яровенко, как крайне неопределенные.

Глава 3.3. «Поиск идентичности как конструирование личностного мифа» посвящена проблеме установления личностного горизонта свободы и идентичности как процесса аутомифологизации и нацелена на обоснование вывода, что личностная идентификация с идеальным образцом, с чистым «типом» всегда мифологична, рождает миф личности о самой себе.

В главе 3.4. «Неуловимые грани веры: к проблеме определения религиозной идентичности» раздела **«Миф, религия, история: проблема поиска идентичности»** автором И.В.Рыбкиной заостряется проблема размыwania идентификационных границ и установления новых горизонтов религиозной идентичности в современной России. Автором акцентируется и всесторонне анализируется ситуация, когда личностная самоидентификация как носителя православной христианской веры осуществляется многими россиянами зачастую автоматически, по инерции и по умолчанию. И.В.Рыбкина отмечает, что в сознании людей происходит слияние религиозной, этнической и культурной идентичности, когда естественным шагом становится определение собственной «православности» через принадлежность к этнической группе, четко выраженное в формуле «русский – значит православный». Национально-культурный аспект самоидентификации зачастую реализуется на основе сложившихся стереотипов и проявляется в формуле: «живу в России – значит православный» или «Россия – православная страна», Очевидно, что при этом «православность» следует понимать скорее как культурную (в некоторых случаях – этнокультурную), а не религиозную и тем более национальную категорию.

Глава 3.5. «Русская идентичность в одном сибирском регионе (по данным социологического исследования в республике Хакасия)» посвящена осмыслению трудностей формирования этнической идентичности. Наряду с обработкой данных социологического исследования автором

И.В.Рыбкиной проводится развернутый анализ категорий «этничность», «этнической самосознание». Одним из наиболее значимых выводов главы является выявление устойчивой тенденции усиления общероссийской гражданской идентичности.

Каждый человек на своем жизненном пути движется к некой сверх-Цели, осмысленной в его собственной системе жизненных координат как сверх-Смысл. Найти свой единственный Смысл – значит реализовать свой единственный Замысел, прийти к самому себе, найти самого себя, свою Идентичность. И когда мы достигаем полного раскрытия себя, своей самотождественности – мы достигаем пика Свободы – свободы выбора жизненных целей, жизненных путей, самореализации.

Найти собственную Идентичность – и значит найти самого себя, быть аутентичным, достигнуть искомой Свободы. Мы начали свой творческий путь в данной монографии с великих кантовских вопросов **«Что я могу знать?»**, **«Что я должен делать?»**, **«На что я могу надеяться?»**, а завершить его, подводя итоги, хочется обращением к гегелевскому концепту самонахождения Абсолютного Духа, который в своей одиссее, через испытания и страдания, восходит по ступеням Субъективного Духа, Объективного Духа к самому себе. Став Абсолютным, Дух находит свою Идентичность и – достигает Абсолютной Свободы. Так свободен и человек в сфере духовного, ноуменального (И.Кант), и путь к этой свободе – это нахождение собственной подлинности, само-Идентичности. Надо лишь искать, а значит – двигаться вперед, развиваться, творить. Об этом наша коллективная монография. Актуальность представленных в этом выпуске исследований – вне всяких сомнений, поэтому серия выпусков монографии имеет будущее и будет продолжаться. Надеемся, что опыт философского смыслополагания, осуществляемого авторским коллективом монографии, станет для наших читателей интересным опытом встречи со Словом, Мыслью, Текстом.

*Елена Викторук, ответственный редактор выпуска  
Светлана Яровенко, автор и руководитель проекта*

РАЗДЕЛ 1

**КАТЕГОРИЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛ «СВОБОДА»  
В ТРАДИЦИИ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ**

---

**1.1. Е.Н. Викторук**

**ИДЕАЛ МОРАЛЬНОЙ СВОБОДЫ  
В ЭКЗИСТЕНЦИАЛАХ ТРАНСАКТНОГО АНАЛИЗА**

***Этика перемен как духовная терапия***

Цзэнцзы заболел, созвал своих учеников и сказал:  
Поставьте меня на ноги, возьмите меня за руки.

В «Ши» сказано:

Будь трепетен и осторожен,  
как будто стоишь над бездонной пучиной,  
как будто ступаешь по тонкому льду.  
Отныне и впредь я постиг избавленье!

Вот так-то, юные дети мои.

(Конфуций. Беседы и суждения)

Зигмунд Фрейд – великий подвиг одного,  
отдельного человека! – сделал человечество  
более сознательным, но не более счастливым  
...в задачу науки не входит убаюкивать  
вечно-младенческое человеческое сердце  
все новыми и новыми грезами, ее назначение в том,  
чтобы научить людей ходить по жесткой  
нашей земле прямо и с поднятой головой.  
(Цвейг С. Зигмунд Фрейд)

Психоанализ – дитя «эпохи перемен», ее продукт и способ самоанализа. Именно этика и мораль XIX столетия создали духовную ситуацию, в которой просто не могло не возникнуть «бунтующее», антиклассическое объяснение человеческой души, родоначальником которого и стал З.Фрейд. Он как основатель новой антропологии выдвинул на передний план жизненные вопросы о сложности внутреннего мира человека, где в постоянной борьбе сосуществуют «желаемое» и «должное», неудержимые влечения и абстрактный внешний долг. Жизненная важность этих вопросов выгодно контрастировала с абстрактностью и сухостью классической «университетской» психологии. Родившись как оппозиция морали XIX века, как обличение ее «квазинравственности», мнимой приличности и иллюзорной добродетели, психо-

анализ вынес все испытания, выпадающие на долю теорий, переворачивающих традиционные (классические) для данного социума ценности, все тяготы метода «негативной филиации идей».

Этику и психоанализ объединяет многое:

объект исследований – человеческое поведение в его изменчивости;

«душа человека», страдающая, переживающая, разрываема «сущим» и «должным», «желаемым» и «табу»;

язык, речь, вторая сигнальная система как мотивирующие, социализирующие и экзистенциальные факторы.

Кроме того, этический контекст теории психоанализа обусловлен особенностями моральной практики и этической аргументации XIX столетия. Научный вклад психоанализа основательно рассмотрен в литературе, но его этико-моральный пафос до сих пор не оценен. Раскрывая научный и человеческий подвиг Фрейда, Стефан Цвейг решился «потревожить в гробу смехотворную мумию предвоенной нравственности». XIX век, пишет он, создал иллюзию всемогущества разума в его «воспитательной роли» по отношению к желаниям и потребностям тела. Это было время, когда «все, казалось, рабски покоряется власти интеллекта. Каждый день, каждый час мировой истории приносили известия о новых завоеваниях научного духа; укрощались все новые и новые, непокорные дотоле стихии земного пространства и времени; высоты и бездны раскрывали свои тайны планомерно-испытующему любопытству вооруженного взора человеческого. Почему бы, при этих условиях, не взять было верх земному разуму над анархическими инстинктами в крови человека, не поставить на место разнузданные первобытные влечения?»<sup>1</sup>.

Разум, используемый не «должным образом» (Ф.Хайек), во многом и обусловил неискренность, высокомерие и неуважение биологической, иррациональной, инстинктивной природы человека, что вызвало к жизни психоаналитическую теорию в качестве своеобразной «этики перемен». Целое столетие, говорит писатель, владеет Европою «малодушный заговор нравственного молчания». В «планомерный поход против искренности» была мобилизована огромная армия надсмотрщиков, одетых в форму учителей, воспитателей, пасторов, цензоров и гувернанток. Бороться предстояло не с помощью аргументов, но молчанием. «Только не привлекать внимания людей на область пола, и они забудут. Только не дразнить разговорами, не пичкать вопросами древнего, посаженного за железную решетку нравственности зверя, и уж он станет ручным. Только проходить побыстрее, отведя взоры, мимо всего щекотливого, поступать так, как будто ничего нет, – вот и весь кодекс нравственности девятнадцатого столетия»<sup>2</sup>.

**Молчание** или **отсутствие слова** – часто используемый способ этической аргументации. Молчание – это тоже язык. Начиная с древнейших времен человечество освоило практику обозначения молчанием самого важного, содержащего в себе основания как жизни, так и смерти. И если язык сравнивать с тканью, то именно молчание в ней – «основа», а говорение – «уток», утверждает В.В.Бибихин. «До произнесения слышимых звуков, до определения значений, когда мысль еще не знает, что есть, она уже говорит неслышимое есть или нет», – пишет ученый. Раньше явной речи совершается исподволь утверждение и отрицание бытия и небытия. Ранние **да** и **нет** предшествуют всему настолько, что если бы мысль задумала увидеть и назвать что-то еще более раннее, она все равно начала бы своей первой речью, именовани-ем сущего и ничто. Как бы глубоко человек ни заглянул в себя, он видит речь, язык, ответ да и нет на вызов бытия и небытия<sup>3</sup>. При этом, отмечает исследователь, до сих пор единственный надежный способ убе-речь себя от мира, от бытия – это отвернуться или закрыть глаза. «Но, похоже, человек, чтобы быть человеком, должен стоять на краю и за-глядывать в пропасть»<sup>4</sup>. Неклассические этики в своей аргументации зачастую молчат о суетном, прекращая то, что Хайдеггер назвал «бол-товней», но проговаривают то, о чем этики классические «активно мол-чат».

Фрейд **осмелился** «заглянуть в пропасть», **заговорить** о том, о чем «приличные люди» говорить не должны, на что можно лишь недву-смысленно намекать и многозначительно усмехаться... Фрейд стал рассматривать как нечто благотворное как раз то, что этика старого общества объявила коренною опасностью, а именно процесс осозна-ния; и то, что это общество признавало благотворным, – подавление инстинктов, – он назвал опасным. «Говорение» о том, что, как правило, умалчивается, в случае психоанализа и всех «этик перемен» позволяет врачевать как личность, так и общество.

Психоанализ как метод осознания всего вытесненного и неосоз-нанного осуществил оздоровление, «целение не только несчетного числа отдельных лиц, но и всей морально нездоровой эпохи»<sup>5</sup>. Этика перемен обычно фиксирует «кризисное состояние» как морали, так и этики данного социума, предлагая «более здоровый» моральный кли-мат и соответствующие ему термины новой антропологической и эти-ческой парадигмы. Этику и психоанализ объединяет не только поведе-ние, самосознание (рефлексия), но и «терапия», врачевание души, свя-занное с переменами смыслов, с открытием новых смыслов.

Этика перемен – это этика, в которой меняются смысловые доми-нанты. В.В.Налимов в работе «Спонтанность сознания», размышляя о проблеме структуры личности и о роли смыслов в жизни человека, пи-

шет: «Мы все время меняем свое временное состояние, непрестанно занимаясь самотерапией. Иначе не прожить эту жизнь. И историю жизни каждого народа можно рассматривать как непрестанную самотерапию. В этом, может быть, смысл истории или, скорее, прагматический аспект смысла. Но все же разные культуры – это, прежде всего разные самотерапии общества. Но сами смыслы все же вневременны. Вневременна и сама природа спонтанности»<sup>6</sup>.

Этика психоанализа – спонтанное выявление универсальных смыслов человеческого бытия, которые забивались социальными и культурными «шумами», но должны были быть услышаны, проявлены, пусть в терминах и понятиях, шокировавших академическое сообщество. Социальная и в высшей степени благородная задача «неклассических» этик и психоанализа одна и та же – это врачевание общества, врачевание человека и человеческого мира.

### ***Трансактный анализ: обоснование выбора***

Учитель сказал:  
«Когда люди ненавидят кого-либо,  
надо непременно узнать почему.  
Когда люди любят кого-либо,  
Надо непременно узнать почему».  
(Конфуций. Беседы и суждения)

Этика и психоанализ взаимодействуют в различных аспектах: во-первых, мораль и как особый способ освоения мира, и как форма сознания является предметом исследования психоанализа; во-вторых, психоанализ как научная теория подвергался и подвергается моральной оценке, которая далеко неоднозначна; в-третьих, психоанализ (и трансактный анализ в частности) как психотерапевтическая практика имеет сегодня разработанные этические кодексы, работа над которыми постоянно ведется с целью оградить как пациентов, так и «врачующих» от неэтичных моментов этой практики, влекущих за собой серьезные последствия для обеих сторон.

Поэтому сам факт того, что в рамках психологии складывается своя определенная этика – закономерно и логично. Почему же мы выбрали именно трансактный анализ? Ведь в психологии XX века с позиций социальной философии традиционно привлекательны «гуманистическая психология» (А.Маслоу, К.Роджерс), творчество Эриха Фромма, отдельные работы которого даже вылились в книгу под названием «Психоанализ и этика», лингвистический психоанализ Ж.Лакана и др.

Можно выделить несколько причин, по которым трансактный анализ – направление в психологии и психотерапии, основанное Эриком

Берном – выбран в качестве примера «этики перемен», неклассической этики. Во-первых, это **«интересность»** работ Э.Берна и его продолжателей для непрофессиональной этической (неакадемической) аудитории (далее мы рассмотрим интерес как фактор неклассических теорий морали). Так, и Маслоу, и Фромм, и Лакан вызывают интерес и понимание в студенческой и преподавательской среде, а так же у тех, кто не равнодушен к психологии и философии. Но их не читают на пляже и в автобусе, их не изучают чиновники и бизнесмены, домохозяйки и учителя средней школы, посвящая этому свое свободное время, время, которое можно использовать «с пользой для себя». В аннотации к одному из изданий книги «Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры», говорится: «Эрик Берн – один из самых читаемых авторов, пишущих о психологии. Будучи профессиональным психотерапевтом, психиатром, основателем оригинального направления в психотерапии, Берн в то же время интересный и, безусловно, талантливый писатель. Своей манерой писать легко, доступно и с юмором о довольно сложном предмете, каковым является психология человека, он завоевал сердца миллионов читателей по всему миру»<sup>7</sup>. Идущая далее рекомендация говорит сама за себя: «Для широкого круга читателей». «Игры в которые играют люди. Люди, которые играют в игры» – книга, которая сама выбирает себе читателей среди самых различных социальных, возрастных и профессиональных групп. Ее популярность – показатель того, что этика и психология востребованы в своем «инструментальном», «технологическом», а не только теоретическом аспекте. И если этика – практическая философия, а психоанализ – практическая этика, то транзактный анализ – практикум по практической философии.

Во-вторых, выбор транзактного анализа среди множества других психоаналитических теорий обусловлен тем, что формирует специфический **понятийный аппарат**, открывающий перспективы методологических и теоретических обобщений. В ТА (здесь и далее для сокращения мы будем употреблять аббревиатуру транзактного анализа – ТА) активно задействован языковой, лингвистический аспект. Психоанализ во второй половине XX века тесно переплетается с лингвистическими науками (Ж.Лакан, Ю.Кристева и др.), порождая лингвистический психоанализ.

Важнейшим достижением своей теории представители ТА считают формирование понятийного (категориального) аппарата, который и позволяет ТА быть эффективным в изменении человеческого сознания и поведения. Это значимый момент для нашего исследования, направленного на изучение морального языка, который может рассматриваться в качестве индикатора развития этической системы от доклассического к классическому и пост-классическому этапам. Следует